

«... дивихся велми ... яко такова чудотворца ту положиша безчестно, не изнесоша в иной храм...» Такие упреки в «нечестии» по отношению к гробам святителей, проявленной при перестройке московских храмов, не раз высказывавшиеся в оппозиционных кругах того времени,⁴⁴ задевали в первую очередь митрополита, которому особенно надлежало заботиться о святительских мощах. Митрополитом в 6980 г. (под которым читается приведенная запись) был сперва Филипп, затем Геронтий. К кому бы ни относился этот упрек, следующее замечание летописца под 6982 г. уже несомненно адресовалось Геронтию. Речь идет о чудесах, которые начали твориться от гроба другого святителя, Феогноста: «И сказаша митрополиту Геронтию и великому князю. Они же неверием одержими беша, не повелеша звонити и всему городу славити его; но последи новую церковь сотвориша ту святую богородицю, и заделаша мощи его в землю покопавши, и покрова на гробнице каменной не положиша, и ныне в небрежении гроб его». Обвинение Геронтия в «неверии», хотя бы временном, в чудо (которое у автора рассказа не вызывало ни малейшего сомнения) и в последующем «небрежении» к гробу святого — все это понятно в устах церковного, но независимого летописца, однако было бы крайне неуместно в официальном своде Геронтия.

Для понимания характера свода конца XV в., лежащего в основе СII—Л, важно определить время составления этого свода. Текст этого свода доходил, как предполагал еще А. Н. Насонов, до 6997—6998 (1489—1490) гг.; этим годом заканчивается и текст фрагмента в Тип. Ак. Но если это так, то свод конца XV в. уже включал известие о смерти Геронтия и был составлен не *при* этом митрополите, а *после* него, в тот период, когда митрополия (в течение двух лет) пребывала вакантной, а потом досталась Зосиме — человеку совсем иных взглядов, которого воинствующие церковники считали еретиком. Составляя свою летопись в столь неустойчивое и тревожное время, сводчик был довольно мало стеснен рамками официального этикета. Именно поэтому он без особой торжественности сообщил о поставлении Геронтия митрополитом в 6980 г. (сообщение Московского свода об этом событии пространнее и торжественнее), именно поэтому он, несмотря на свое сочувствие этому митрополиту, мог включить в свое изложение довольно обидное для этого иерарха сообщение (из свода 1484 г. — источника Типографской), что когда Геронтий, ушедший с престола, хотел было вернуться, великий князь сомневался, «пригоже ли его опять взяти на митрополию».

Составленный в Москве, в кругах, близких к митрополии (может быть, при участии митрополичьего дьяка Родиона Кожуха), свод 1489—1490 гг. по тенденциям отличался даже от таких независимых летописей, как северный (Кирилло-Белозерский) свод 1472 г. — источник Ермолинской и Соколенковской сводов и ростовский свод 1484 г. (Типографская летопись). Если северный свод 1472 г. только отмечал роль московского дьяка Стефана Бородатого в убийстве Шемяки, то в своде 1489—1490 гг. прямо указывалось, что Стефану поручил это дело сам великий князь; заимствовав из ростовского свода 1484 г. рассказ о колебаниях Ивана III во время «стояния на Угре», СII—Л присоединили к нему рассказ об «обидах», нанесенных великим князем своим братьям удельным князьям, и ядовитейшие рассуждения о неудачах и трусости предков великого князя (включая Дмитрия Донского) во время предшествующих

⁴⁴ Ср. пересказ их в послании Геннадия митрополиту Зосиме в 1490 г. (Н. А. Казакова и Я. С. Лурье, Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в., стр. 377—378).